

НЕТ СЛАЩЕ ПЫЛИ...

Второй день моросил холодный дождь, и начальник собрался идти в другой отряд за вездеходом. Идти семнадцать километров по мокрой тайге, одному, на ночь глядя, совсем не в радость.

– Может, я с вами пойду? – предложил я без всякой охоты, – или мы с Ником пойдем, а вы оставайтесь?

– Нет, мне самому надо посмотреть, что они сделали за это время, обсудить кое-что. Я Бама возьму с собой. Вернусь послезавтра. А вы не скучайте, пробы в ступке дробите и растирайте.

От этих слов я чуть не поперхнулся. И тут эти пробы дробить, мало нам на Памире досталось.

– Если дождь кончится, идите в маршрут, – начальник показал на карте точки, которые надо посетить.

– А мешка фасоли у вас случаем не найдется? – скромно спросил я.

– Зачем? – опешил начальник.

– Да мы с Ником, от нечего делать, ночами отобрали бы белую от коричневой.

– Тебе Анатолий пора читать серьезные геологические книги, а не сказки про Золушку, – срезал меня начальник, так что я даже покраснел.

Начальник поднял капюшон брезентового плаща и ушел в мутную пелену дождя.

– Действительно, «нет слаще пыли (в данном случае грязи), чем пыль из-под ног отъезжающего начальства», – заметил Ник.

Мы сразу же кинули жребий, что нам делать: сначала, как следует отдохнуть, а потом немножечко поработать или наоборот. Конечно, выпала работа. И на второй раз, и на третий тоже. Эта хваленая теория вероятностей хорошо работает только на бумаге: шесть раз выпала работа.

– Давай сделаем так, – предложил я, – угадаешь, в какой руке спичка, начнем с отдыха.

– В левой, – сходу выпалил Ник и, конечно, не угадал.

– Думай Ник, думай, не спеши, – предупредил я, держа кулаки за спиной.

– Это судьба! – Ник встал и пошел за ступкой.

Неожиданно для себя мы в четыре руки справились с пробами всего за три часа – вот что значит памирская закалка.

Я предложил отпраздновать такое событие и намекнул Нику, что он свободно может угостить меня сигаретой.

– Нет! – категорично отрезал Ник.

Я даже обиделся. Вообще-то в начале сезона я решил бросить курить, а Нику наказал, чтобы он не давал мне сигарет ни под каким видом, как бы я его не просил и не умолял. «Будь спокоен, – пообещал мне тогда Ник, – и добавил – хорошая пытка!»

Было ужасно обидно. Первый раз за месяц попросил, и, пожалуйста. И нет, чтобы как-нибудь тактично отказать и просто по-человечески ответить: «нет», а то будто пощечину влепил: «нет!»

Унижаться и выпрашивать сигарету для меня было невыносимо, и я честно предложил Нику сыграть в карты.

– Я не умею играть! – отказался Ник.

– Знаем мы, таких скромников. В купе поезда один пассажир предложил другому сыграть в карты, а тот ответил, что не умеет играть, да и колоды нет.

«Я и сам толком не умею играть, – пристал пассажир к соседу, – а вот картишки случайно есть. Сдавайте по одной, я объясню правила».

Сосед взял колоду, взвесил её в руке и воскликнул: «Как же банковать, когда одной карты не хватает!?!»

Пассажир взял колоду назад, взвесил её в руке и с досадой согласился: «Точно. Семерки трэф!»

Ну, что, сдавать?

У Ника был такой самоуверенный вид, будто он тоже смог бы узнать по весу, все ли в колоде карты.

– Сдавай!

– Играем на сигареты! – предупредил я.

– А что ты ставить будешь? – насторожился Ник.

– Пока, буду ставить спички!

– И я буду ставить спички! – ухмыльнулся Ник.

Стали играть. Вот уж не думал, что Ник окажется таким азартным игроком, прямо как Булгаковский Парамоша. Ему играть в карты нельзя ни в коем случае. За пятнадцать минут он умудрился проиграть мне шестьсот пятьдесят пачек сигарет. Даже если брать по гривеннику за пачку, то все равно получилась бы треть месячной зарплаты.

Конечно, я и не думал получать с Ника выигрыш и предложил скостить ему долг за одну единственную сигарету, которую хотел бы получить немедленно. Но надо знать Ника. Он, конечно, разыграл трагедию, обиделся на меня как на врага и стал кричать, что я получу свои шестьсот пятьдесят пачек, как только мы окажемся в ближайшем поселке.

– Не нужны мне твои сигареты, я не курю. Вымой за меня посуду и квиты! Идет?

– Нет, получишь! – злорадствовал Ник, упиваясь своей щепетильностью.

Но в душе Нику было жалко выбрасывать на ветер треть зарплаты ради амбиции. Он засопел и вышел из палатки на дождь. По звону кастрюль можно было догадаться, что он моет посуду. Машинально я вытащил из пачки Ника сигарету и закурил. Пуская вверх кольца дыма, поинтересовался, как там погода. Ник не ответил. Вернувшись в палатку, он подозрительно понюхал воздух, но ничего не сказал.

Утром опять был дождь – мелкий, холодный, занудный. После завтрака Ник сел читать монографию по геологии района. Мне было совершенно нечего делать, а единственная книга оказалась занятой. Чтобы скоротать время, я принялся вырезать из березового чурбака большую деревянную ложку, которую собирался подарить на день рождения нашему начальнику. Ник уже сочинил для этого случая поздравительные стихи.

Начальник наш был геологом, которые живут, для того чтобы работать. Таких людей еще называют «трудоголиками». Каждый день начальник тщательно проверял наши пикетажки и придирался ко всем мелочам. «Если у студента не хватает интеллекта, чтобы остро заточить карандаш для работы, то он зря пошел в геологию», – наставлял он нас. Маршрут должен был быть записан в пикетажку лаконично, чисто, без всяких нарочитых признаков романтики: давленных между страницами комаров или капель трудового пота. Пикетажку следовало беречь как зеницу ока и «хранить в месте, исключая возможность утраты или порчи».

По размеру готовая ложка получилась в два раза больше поварешки. Конечно, она предназначалась не для еды, а просто как сувенир на память. На ручке я вырезал: «Есть надо много, но часто!» Ник похвалил меня за ложку.

На кухне под тентом я разжег керосинку, вскипятил чайник и на сковородке разогрел четыре ржаных сухаря.

– Эх, сейчас бы чашечку крепкого «четверного» кофе, как у нас в университетском буфете, – размечтался Ник, передавая мне книгу.

– Ну, и как? – я взвесил в руках солидную монографию.

– Примитив, – коротко бросил Ник, пренебрежительно махнув рукой.

Напившись чая, я, без особого энтузиазма приступил к чтению монографии. Ник сел писать стихи. Книга действительно была заумная, и я мало что понял. На мой взгляд, она была чересчур сложна для студента третьего курса. Но, после безапелляционного определения Ника выходило, что я просто тупой. После чая меня всегда клонило в сон, и я немного вздремнул. Проснувшись, я пару раз демонстративно хмыкнул, чтобы подчеркнуть недостаточную глубину монографии. А потом, по примеру Ника, с презрением захлопнул книгу.

– Почитай мне что-нибудь из твоих последних стихов, – попросил я.

Поломавшись для приличия, Ник согласился. Вначале стихи были ничего: про море, горы, космические ветры и все такое. Я похвалил стихи, и Ник даже покраснел.

А теперь, слушай настоящие стихи, – объявил воодушевленный похвалой Ник и вдруг стал читать таким заунывным голосом, будто у него болели все зубы сразу. Содержание полностью отвечало исполнению стихов. Какие-то безумные, нечеловеческие страдания, где-то на грани самоубийства. Вот уж никогда бы не подумал, что Ник так много страдал. И когда успел? По убеждению Ника все поэты должны были страдать! Он лепил что-то об одиночестве и безысходности, призывал в свидетели какого-то Овидия, утверждая, что только он один и может «понять поэта». Я даже порадовался, что не поэт и мне не надо страдать просто так.

В жарко натопленной палатке я совершенно разомлел, задремал и вроде даже всхрапнул. Ник обиделся смертельно. Никакие извинения не помогли. Спасло меня только то, что я вызвался добровольно приготовить обед, хотя дежурным был Ник.

Вечер закончился также: печка, свеча, песни. Над темной бурлящей рекой далеко разносились наши голоса:

«Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга. Одна тайга,
И мы – посередине».